

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Сергей Кириллович Фомичев (1921 - 2008)

Выпускник Ленинградского финансово-экономического института.

Закончил Тамбовское военное пехотное училище в 1941 г., Краснознаменные Высшие разведывательные курсы в 1945 г., Военную академию им. М.В. Фрунзе (по двум специальностям) в 1950 г.

В Великой Отечественной войне принимал участие с 24 июня 1941 г. в должности командира взвода.

Впоследствии участвовал в боевых действиях в должностях командира стрелкового взвода, роты, батальона (Юго-Западный, Северо-Кавказский, 2-й Украинский фронты).

Дважды тяжело ранен. В послевоенное время проходил службу на профессорско-преподавательских должностях в Военной академии им. М.В. Фрунзе и на Военном факультете при Московском финансовом институте. Кандидат военных наук, доцент. Полковник в отставке.

Награды:

Медаль: «За боевые заслуги», Медаль: «За оборону Кавказа», Медаль: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, Орден Отечественной войны I степени.

Из воспоминаний Сергея Кирилловича Фомичева...

В ИЮНЕ-ИЮЛЕ 1941-го

Город на Неве, Васильевский остров, 1939 год. Здание бывшей биржи — студенческое общежитие Ленинградского финансово-экономического института. По радио диктор объявляет Указ Президиума Верховного Совета СССР о досрочном призыве на военную службу студентов учебных заведений страны, за исключением студентов выпускных курсов.

В общежитии собирается стихийный митинг, на котором говорится о всеобщей убежденности в неизбежности войны в ближайшее время, о ее ожесточенности и разрушительности. Чтобы принести наибольшую пользу стране и с нею вместе выжить,

надо встретить войну хорошо подготовленными, немедленно действовать, не ждать повесток из военкомата, предупредить зловещие события...

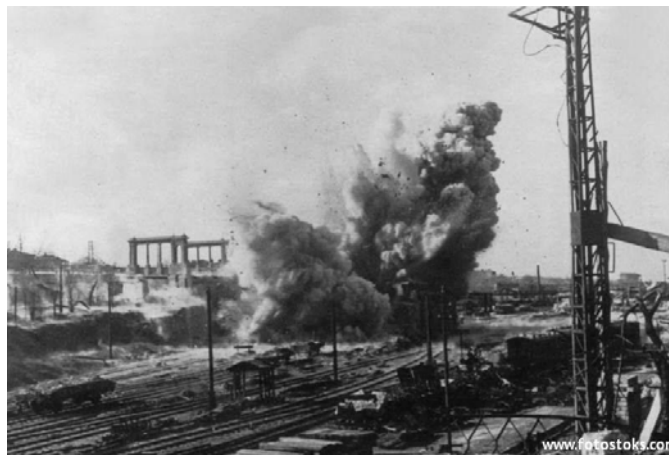
...Так я стал курсантом Ленинградского Краснознаменного пехотного училища имени СМ. Кирова. Весной 1941 года первый батальон нашего училища перевели в город Славуту, где на его базе было сформировано Славутское пехотное училище, которое вскоре передислоцировалось в город Гайсин.

11 июня 1941 года на обширном дворе Гайсинского пехотного училища перед строем курсантов был зачитан приказ народного комиссара обороны СССР о досрочном выпуске из училища и присвоении отличникам учебы звания «лейтенант».

На второй день я, новоиспеченный лейтенант, выехал в город Черкассы, где принял пулеметный взвод 621-го стрелкового полка 190-й стрелковой дивизии, которая продолжала формироваться за счет частичной мобилизации рядовых и командиров запаса.

В ночь на 17 июня мы были подняты по боевой тревоге, получили боеприпасы, вплоть до ручных гранат, погрузились в эшелоны и выехали на запад.

22 июня 1941 года началась первая бомбежка. Эшелон остановился. Бомбовые удары сопровождалась обстрелом с самолетов на бреющем полете, которые проносились почти над самыми крышами вагонов. Затем последовала команда «По вагонам!», возобновилось движение к станции выгрузки.

Эта станция под названием Ягельницы представляла собой железнодорожный полустанок на Западной Украине, не более чем в 80-ти километрах от новой границы. К 23 июня в лесах, прилегающих к станции выгрузки, сосредоточилась вся 190-я стрелковая дивизия. В ночь на 24 июня она несколькими маршрутами выдвинулась на восток. Когда с началом рассвета головы колонн начали выходить из леса, сотни

фашистских самолетов обрушили свои бомбы по тем местам, где только что размещались боевые части.

За всю войну мне приходилось пережить много бомбежек, но эта, первая, запомнилась на всю жизнь. Лес позади нас грохотал взрывами, короткие промежутки между ними заполнял гул и оглушительный вой. Море пламени. Стало светло как днем. Все это продолжалось несколько десятков минут. Нам, с одной стороны, казалось счастьем, что мы успели выйти с места расположения, но, с другой стороны, возникла тревога за наши тылы. Казалось, что они полностью уничтожены.

Избежав массированного воздушного нападения ночью, колонны боевых частей стали подвергаться налетам авиации днем. При этом многочисленные самолеты противника действовали безнаказанно группами и в одиночку. Колонны от ударов с воздуха не прикрывались, а попытки обороняться огнем стрелкового оружия были неэффективны.

У подразделений оставалось одно средство: рассредоточиваться при очередном налете. Однако собрать личный состав после такого рассредоточения и вести его дальше было непросто, особенно если на плечах надо было нести станок пулемета весом 32 килограмма, его «тело» — 24 килограмма и бронированный щиток — 8 килограммов.

К концу первого дня такого продвижения я на свой страх и риск решил в очередной деревне мобилизовать две повозки и три пары лошадей.

При мобилизации лошади или повозки я на листах боевого блокнота в планшете оформил расписку и объяснил, как мог, что при нашем возвращении назад стоимость изъятого будет выплачена государством.

Относились к моим заверениям по-разному, большинство — с недоверием, а часто — язвительно-насмешливо. И лишь иногда — сочувственно. Расписку мою, правда, брали...

Воздушные удары наносились группами до 50-ти самолетов, которые, образуя круг, делали не по одному заходу на бомбежку и пулеметные обстрелы.

Раненых размещали в повозке с продуктами и в одной из повозок с пулеметами. Конский состав пополняли в попутных деревнях уже без всяких расписок. Все это делалось по своей инициативе, без какого-либо согласования с вышестоящим командованием, попытки связаться с которым были бесполезными.

Росло чувство одиночества, оно угнетало, его все трудней стало скрывать. 29 или 30 июня от головного дозора поступило донесение о том, что старший лейтенант запаса, который «утерял» свой батальон и шел в составе дозора, с разрешения командира пошел вперед, чтобы выяснить обстановку, но был застрелен, а его труп был сброшен в придорожную канаву.

К тому времени мы уже знали, что фашистская авиация забрасывает в наши тылы диверсантов, одетых в форму советских военнослужащих.

Поэтому я сразу же принял срочные меры: головному дозору приказал развернуться в цепь, изготовиться к атаке; одной повозке с пулеметом выехать на уровень головного дозора и занять огневую позицию для стрельбы; ядру отряда замедлить шаг. Я с группой автоматчиков и стрелков вышел на рубеж головного дозора.

Сближение произошло с предварительным обменом документами через посыльного. Но главное, почему нам удалось избежать трагедии, так это то, что за спиной этих семи человек на скатах возвышенности по обеим сторонам шоссе мы увидели спешно окапывающихся солдат. От радости я не знал, что делать. Передо мной стоял майор с группой лейтенантов — командир полка механизированной дивизии. Опомившись, я начал докладывать.

После моего официального доклада он, показывая на приближающуюся колонну отряда, спросил: «Что это там в вашей колонне дымит?». И когда услышал, что это полевая кухня, подобранная на дороге, он произнес: «Пока живы такие лейтенанты — жива Россия». Затем он объяснил свою боевую задачу — не допустить продвижения

врага на Казатин, доложил, что его правый фланг открыт, и поставил задачу отряду на прикрытие этого фланга.

Отряд уже представлял собой сложившуюся роту, и потому мне удалось быстро расположить на местности подразделения, организовать систему пулеметного огня. Ездовые с лошадьми и повозками во главе с моим помощником разместились в небольшой лощине в пятистах метрах за боевыми порядками.

Раненым с помощью соседей была оказана врачебная помощь.

К исходу дня я был вызван к командиру полка, от которого получил приказание оставить отряд под командованием надежного лейтенанта, а самому на машине выехать в Казатин, набрать 500, как он сказал, дезертиров, привезти их в отряд и взять под свое командование. Срок — трое суток...

...Вручил мне справку на право набора добровольцев. Ранним утром 1 или 2 июля 1941 года мы остановили машину на пустынной площади железнодорожного вокзала Казатина.

К вокзалу подошел пассажирский поезд. Его вагоны были битком забиты беженцами из Бердичева, захваченного вражескими войсками. Люди — без вещей, некоторые в одном белье: в чем застала паника, в том и бежали. Много детей, слезы, рыдания. Весть о записи добровольцев разнеслась по городу. Уже к полудню появляются очереди желающих.

В результате проделанной работы выход из города состоялся в назначенное время и марш был выполнен за два дневных перехода. Из трехсот записанных в списках удалось привести на место только 200 человек.

Люди были накормлены и вскоре расположены правее обороняющейся роты. Теперь отряд состоял из трех рот, две из которых представляли собой не вполне сформировавшиеся подразделения. Управление отрядом осуществлялось посыльными, личным общением и не было достаточно устойчивым...

Противник уже появился в селе Бураки, вел себя активно, провел несколько атак мелкими группами. Трое автоматчиков пробрались к нам в тыл, но были взяты в плен. Это были наши первые пленные.

Но "главное — большими силами, иногда колоннами, враг проходил на восток правее нашего открытого фланга. Об этом движении противника в течение последних пяти-шести суток докладывалось командиру полка через посыльных устно и письменно, и каждый раз был один ответ: выполнять поставленную задачу.

Однако нам было ясно, что так долго продолжаться не может, и мы продумывали способ отхода. На рассвете 10 июля на наблюдательном пункте роты стояла тревожная тишина.

Разведчик докладывает, что у шоссе окопы пустые. Соседи ночью тайно оставили позиции, ушли, не предупредив нас.

Я подзвал связных от взводов тех двух рот, что справа и, сохраняя спокойствие, проинформировал их об обстановке.

Сообщил, что связной от командира полка по какой-то причине к нам не дошел. Прошло около часа тягостного ожидания. Перед наблюдательным пунктом роты появились первые красноармейцы из центрального взвода.

Когда они начали подползать к вершине гребня, на флангах роты во весь рост показались бойцы,

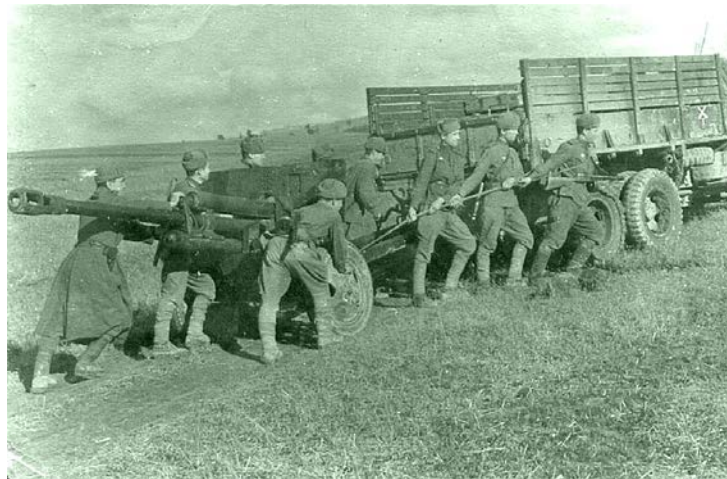
бегущие в обгон центра. Последние, видя такое, тоже поднялись. Мои попытки не привели к предотвращению надвигающейся беды.

Только удавалось положить очередную группу бегущих, как поднималась во весь рост та, что была только что положена.

Через несколько минут на гребне оказалась сотня бегущих во весь рост бойцов и начался массированный огонь артиллерии и минометов противника. Я был в отчаянии, еще не понимая причины происходящего.

Оказавшись между своими, гибнувшими на огневом рубеже, и противником, возможно, изготовившимся к переходу в атаку, я, лежа, ждал окончания огневого налета. Когда огонь прекратился, я вместе с группой управления перебежал через гребень и увидел внизу, справа на шоссе, грузовую машину, а рядом с ней, через канаву, развернутое в сторону противника артиллерийское орудие — 76-миллиметровую пушку со снятым прицелом.

Кузов грузовика был заполнен ящиками со снарядами, на ящиках стоял станковый пулемет.

На высоте у шоссе, где находились оставленные соседом окопы, появились два танка. В открытом ящике у пушки я достал снаряд, дослал его в канал ствола орудия, навел на танк, произвел выстрел — недолет, взрыв на земле перед танком. Понял ошибку, вторую наводку сделал по верху башни, вижу — попадание по корпусу.

Но снаряды осколочные. Подбежал лейтенант, командир центрального взвода с двумя красноармейцами, они занялись пушкой. Я в кузове машины руками выломал доски, обитые проволокой, нашел ящик с бронебойными снарядами, подал его красноармейцам, а сам занялся пулеметом.

Он оказался в полном сборе. Как можно ниже свесился за борт кузова машины и осторожно колесами станка опустил его на шоссе, сбросил коробки со снаряженными пулеметными лентами. Лихорадочно спешу.

На только что оставленных нами гребнях высот показались цепи вражеской пехоты. Выкатываю пулемет на середину шоссе, вставляю первую ленту, прицел ставлю на дистанцию 600 метров, сажусь «по-узбекски» (колени крестом), выбираю наиболее густой участок цепи, прицеливаюсь в крайне левого, крепко зажимаю правую рукоятку, а на левую просто кладу руку, большими пальцами обеих рук нажимаю на спусковой рычаг и дальше очередь прошивает, уверен, каждую из семи первых фигур. С пулеметом задержка, заклинен патрон.

Поднимаю крышку тела, выхватываю приемник с лентой, упираюсь ногами в приемник, вытаскиваю ленту с перекошенным патроном, его выбрасываю, повторяю все в обратном порядке, затем выравниваю в разошедшейся матерчатой ленте очередные 15—20 патронов.

Цепи пехоты поднялись во весь рост, пулемет готов к следующей очереди. Так повторялось до конца расходования первой ленты. При подготовке второй ленты я заметил горящий танк и подумал: молодец лейтенант!

Пушка продолжала огонь, но в непосредственной близости от нее появились взрывы снарядов. Переставляю прицел пулемета на 300 метров, вставляю ленту в приемник, выравниваю как можно большее число патронов. Пушка наша замолкла, снаряды вокруг нее продолжают рваться... Снаряды раз за разом рвутся впереди и все ближе к пулемету.

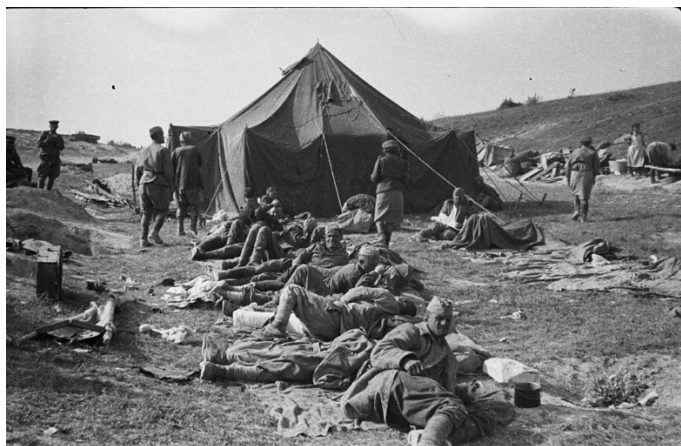
Удар страшной силы пришелся по левой ноге и по голове. Я почти одним прыжком на правой ноге оказался в канаве, присел на колени, увидел у орудия неподвижных красноармейцев. Особенно поразило мертвенно-бледное лицо лейтенанта; я подумал — убит. Моя левая нога бесчувственна, каска с головы сбита, видимо, ее ремешок поцарапал до крови подбородок. Послышались крики: «Русс, давай плен!»

С началом войны я боялся только пленения и свой «наган» ценил, как средство выполнить постулат «последняя пуля себе». На правой ноге стал прыгать по канаве вверх, в сторону возвышенности. На мне за спиной на ремне автомат, в полевой сумке трофейный парабеллум. Танк продолжал вести огонь, снаряды рвались то с одной, то с другой стороны канавы.

Меня догнал лейтенант — жив! Оттеснил к стенке канавы, обогнал. Я со смешанным чувством посмотрел ему вслед и увидел вспышку очередного взрыва, но уже на обочине канавы. Лейтенант присел, схватившись рукой за левый бок, теперь уже я его обогнал.

Услышал мольбу: «Спаси!» Вернулся на четыре прыжка назад, подал ему левую руку, он правой крепко ухватился, и мы, вдвоем на трех ногах, стали продвигаться по канавке вверх. Наконец мы оказались наверху. Впереди, в лощине, множество машин, мотоциклов, солдат. К нам направились до тридцати человек и на бегу начали разворачиваться в цепь.

Я решил, что перед нами тот самый противник, который несколько последних дней выдвигался к нам в тыл. Вырвал свою левую руку из руки лейтенанта и бросился в пшеницу, спасаясь от плена, пропрыгал несколько десятков метров, упал и, задыхаясь от зноя, пополз как можно дальше от места падения. Отключился.

Пришел в себя и услышал голос: «Разрежь сапог!». Затем увидел сумку с красным крестом, понял, что это русские, и речь идет о моем сапоге, и говорю: «Ребята, рана-то выше, сапог-то может еще пригодиться?». Изумленно-радостные возгласы: «Ну, лейтенант, живой! Наискались мы тебя, видели место, где ты упал, пришли, а там пусто, только след крови помог». Тяжелые боли во всем теле перекрывались радостным осознанием, что те тридцать человек, которые бежали к нам, развертываясь в цепь, были не вражескими, а нашими пехотинцами. Я начал понимать, что бывший наш сосед слева, снявшись ночью со своих позиций, на восток не прошел.

Путь ему преградил тот самый противник, который, обходя нас справа, отрезал пути отхода механизированным частям. Я именно здесь понял свою командирскую ошибку. Надо было связного с приказанием на отход вначале послать на фланги роты и только через 20—30 минут отправить его в центральный взвод. Тогда бы не сыграл свою коварную роль инстинкт стадности. Ибо при одновременной посылке связных красноармейцы центрального взвода начали выполнять приказ на отход, тогда как во фланговые взводы это распоряжение не поступало. Увидев отступление в центре, красноармейцы на флангах в тревоге поднялись на обгон центра, началось паническое бегство...

С октября 1941 по февраль 1942 года я находился в резерве Закавказского военного округа в должности командира взвода, а затем служил командиром роты отдельного истребительного батальона 38-й запасной стрелковой бригады. В феврале 1942 года с маршевой ротой выехал на Юго-Западный фронт в район станции Лозовая. В марте снова был ранен. После госпиталя был вновь направлен командиром истребительной роты в 38-ю запасную стрелковую бригаду.

В мае 1943 года я вступил в должность командира роты 7-й воздушно-десантной бригады на СевероКавказском фронте. В боях за высоту 114,1 при прорыве знаменитой «Голубой линии» был награжден орденом Отечественной войны II степени. В декабре 1943 года был назначен на должность командира батальона 110-й гвардейской стрелковой дивизии (2-й Украинский фронт).

Командовал рядом стрелковых батальонов этой дивизии вплоть до февраля 1945 года. Затем был направлен в 1-ю румынскую армию в качестве представителя советского командования.

Закончил войну слушателем Краснознаменных Высших разведывательных курсов. Великий А.В. Суворов говорил: «Каждый солдат должен понимать свой маневр». Преподаватели нашей кафедры (а они в то время были людьми с боевым опытом), обучая слушателей, готовили их к пониманию того, как маневр финансовыми ресурсами должен обеспечить выполнение боевой задачи, определяемой оперативной обстановкой, давали им широкие военные знания, необходимые офицеру армии и флота. И в этом им помогал опыт, приобретенный в период Великой Отечественной войны.

